

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

П. Е. ТЕРЛЕЦКИЙ

О МЕТОДАХ АНАЛИЗА И КОРРЕКТИРОВАНИЯ ДАННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Разработка методов анализа и корректирования данных довоенных переписей населения зарубежной Европы в части этнического состава ставит своей задачей приближение этих данных к действительному положению и приведение их в наиболее сопоставимый и сравнимый вид.

В этих целях должны быть освещены и разрешены следующие вопросы: а) установление признаков, определяющих этнический состав в каждом отдельном государстве; б) критическая оценка как самих признаков, так и их конкретной (числовой) характеристики — выявление степени идентичности и сопоставимости их; в) выбор признака, практически приемлемого и наиболее отражающего этнический состав, и г) установление методов корректирования данных переписей — приближения последних к действительному положению и приведения их в наиболее сопоставимый и сравнимый вид.

В результате, после обработки данных переписей, должны быть получены сводные таблицы этнического состава населения отдельных стран и в целом зарубежной Европы, а также данные о территориальном (по странам) размещении отдельных национальностей.

Признаки, определяющие этнический состав населения

В практике использования данных западноевропейских переписей об этническом составе довольно часто наталкиваешься на разнохарактерность как самих программ переписей (например, учитывающих этнические признаки или не принимающих во внимание последние), так и самой сущности этнического состава — понятий этнических признаков.

Так, из 31 государства зарубежной Европы:

а) этнический состав учитывается по двум признакам — национальности или народности и языку — в следующих пяти государствах: в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии, с удельным весом населения их во всем населении зарубежной Европы в 16,2%;

б) этнический состав определяется по данным о языке в 15 государствах: в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Турции, Финляндии, Швейцарии и Швеции, с удельным весом населения в 69,3%, и

в) этнический состав не учитывается (или в лучшем случае выделяются иностранцы) в 11 государствах: в Дании, Португалии, Франции, а также в Албании, Люксембурге, Исландии, Андоре, Монако, Сан-Марино, Ватикане и Лихтенштейне, с удельным весом населения в 14,5%.

Из перечисленных выше государств, не учитывающих в своих переписях этнического момента, кстати сказать, имеющих довольно однородный этнический состав, почти по всем из них имеются разного рода литературные источники, отмечающие приблизительно, разумеется, их этнический состав.

Разнохарактерность источников об этническом составе усугубляется еще и различным пониманием самих этнических признаков. Так, в большинстве государств понятие национальности отождествляется с понятием родного языка. Особенно это обстоятельство относится к более ранним переписям. Еще в 1876 г. на Петербургском международном статистическом конгрессе этому вопросу было уделено большое внимание. Тогда было установлено, что определение национальности является определением субъективным, основанным на самосознании опрашиваемого, и что для точного определения каждым опрашиваемым своей национальности необходимо устранить всякое давление на опрашиваемых со стороны государственных органов, причем за родным языком как этническим признаком признавалось лишь подчиненное значение. Это теоретическое положение, по существу не отмененное до настоящего времени, на практике получило, как мы уже видели, весьма слабое распространение. А самое понятие национальности при переписях стало предметом различного рода политических махинаций.

Так, имело место вполне сознательное смешение понятий гражданства или подданства с национальностью (Германия); выделение основной национальности путем учета иностранцев, например в Дании, а также в Англии и Уэльсе, в предположении, что остальное население относится к государственной национальности — соответственно датчанам или англичанам; смешение понятий натурализованного населения с основной государственной национальностью (Франция); в Чехословакии национальность определялась как племенная принадлежность (1921 г.). В основном же в определении национальности превалировали (вопреки постановлению Петербургского конгресса) элементы происхождения, а не принцип национального самосознания. В подавляющем же большинстве государств, как мы уже отмечали, определяющим этническим признаком являлся язык опрашиваемого. Но и в этом случае не было единства и достаточной четкости в понимании. Здесь имел место родной язык, материнский и отцовский язык, разговорный и домашний язык и любимый язык (Польша), причем даже в пределах одного и того же государства понятие языка иногда менялось. Так, например, в 1921 г. в Чехословакии национальность определялась по материнскому языку, а в 1930 г. национальная принадлежность устанавливалась по родному языку.

Что касается признака религиозной принадлежности, то хотя регистрация при переписях этого признака наряду с родным языком довольно частое явление (Венгрия, Греция, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и др., причем по Греции, например, даются комбинационные таблицы по языку и религиозной принадлежности) и, хотя этот признак является к тому же наиболее консервативным и устойчивым, все же при определении этнического состава он имел весьма ограниченное практическое применение (например, при установлении численности еврейского населения, где национальный и религиозный моменты наиболее тесно связаны, а признак языка не является отражающим их этническое положение). Тем более религиозный признак не может быть практически использован в отношении национальностей (в одном государстве), имеющих одну и ту же религию.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, имеющее важное значение в вопросе определения этнического состава. Мы имеем в виду отрицательное влияние политики капиталистических стран в отношении признака национальности, выражающееся в систематическом затушевывании значения национальных меньшинств и стремлении преувеличивать удельный вес основной национальности.

Как постановка вопросов при переписях, так и сводные данные не всегда являются точными, правильно отражающими этнический состав. Так, рассмотрение программ и сводных данных переписей некоторых государств дает возможность установить следующее.

1. Недостаточное понимание различий признаков — национальности и языка, объяснявшееся, по крайней мере в начальный период организации переписей, недостаточной актуальностью и осознанностью самого вопроса — выявления этнического состава. Та или иная характеристика этнического состава, видимо, удовлетворяла практические потребности государств.

2. Впоследствии же, с развитием капитализма, когда национальный вопрос стал приобретать все большее и большее значение, постановка вопросов об этнических признаках в переписных формулярах и сводных таблицах все более стала отражать требования, далеко идущие за пределы установления действительного этнического состава населения. Шовинистическая политика буржуазии господствующих наций находила здесь наиболее полное отражение. Вопрос о национальности, как наиболее существенном этническом признаке, все более и более уступал вопросу о языке, как наиболее гибкому, особенно легко поддающемуся (при опросе населения) политическому, экономическому и моральному воздействию со стороны правящих классов. Это же обстоятельство приводило иногда к простой фальсификации данных переписей — преувеличению численности ведущей национальности и преуменьшению значения национальных меньшинств. Подобные действия, безусловно, не способствовали выявлению действительного этнического состава и довольно часто отражали политику насильственной денационализации отдельных народностей — колонизации украинцев и белоруссов, германизации, руссификации (1897) и т. п. Проявление националистических тенденций можно усмотреть в данных германских переписей, на Балканах, в Польше и в других государствах. Так, преувеличенный удельный вес, как увидим далее, основной национальности во Франции, Португалии и ряде других государств и игнорирование при переписях в этих государствах регистрации этнических признаков могут быть объяснены теми же тенденциями скрыть действительное представление о национальных меньшинствах.

3. Искажения (непосредственные и путем нажима на опрашиваемое население) действительного этнического состава особенно проявлялись в пограничных областях, как правило, смешанного населения. В пограничных спорах из-за территории, для оправдания насильственного захвата в прошлом, в программах переписей можно усмотреть сознательное уклонение от правильной постановки вопроса об этнической принадлежности.

Останавливаясь на первых двух факторах, характеризующих этнический состав населения, — национальности (народности) и родном языке, мы должны предварительно ответить на следующие вопросы:

а) каковы количественные различия между показателями национальности (народности) и языка, насколько национальный состав отличается от состава населения по языку и имеется ли возможность перевода данных по языку в показатели национальности;

б) каковы различия в понятиях родного языка, материнского или отцовского, разговорного или домашнего языка и т. п. и можно ли признать эти понятия или, вернее, их количественное отражение за идентичные, и

в) какой из факторов — национальность или родной язык — может быть положен в основу этнического состава государств зарубежной Европы.

* * *

Для освещения вопроса о различиях между показателями национальности и языка мы, к сожалению, имеем небольшой сравнительно материал, касающийся в основном Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехословакии, а также Югославии — государств с наиболее смешанным этническим составом, или в течение длительного периода подвергавшихся чужеземному влиянию.

Обратимся к данным переписей, характеризующим этнический состав некоторых государств в зависимости от факторов — национальности и языка.

Этнический состав некоторых государств (в процентах)

Болгария (1926)			Венгрия (1941) в границах на 1. I. 1933 г.			Румыния (1930)		
название национальности	по национальности	по языку	название национальности	по национальности	по языку	название национальности	по национальности	по языку
Болгары . . .	83,2	83,7	Венгры . . .	95,7	92,9	Румыны . . .	71,9	73,0
Турки . . .	10,5	11,1	Немцы . . .	3,3	5,1	Венгры . . .	7,9	8,6
Греки . . .	0,2	0,2	Хорваты (кро- аты) . . .	0,0	0,4	Немцы . . .	4,1	4,2
Румыны . . .	1,3	1,5	Словаки . . .	0,2	0,8	Русские . . .	2,2	2,5
Цыгане . . .	2,5	1,5	Словаки . . .	0,2	0,8	Болгары . . .	2,0	1,9
Евреи . . .	0,9	0,8	Румыны . . .	0,1	0,2	Украинцы . . .	3,1	3,6
Татары . . .	0,1	0,1	Сербы . . .	0,0	0,1	Евреи . . .	4,0	2,8
Прочие . . .	1,3	1,1	Словены . . .	0,0	0,1	Турки (и га- гаузы) . . .	1,6	2,2
			Цыгане . . .	0,3	0,2	Цыгане . . .	1,5	—
			Евреи . . .	0,1	0,0	Прочие . . .	1,7	1,2
			Прочие . . .	0,3	0,2			

Характерными в приведенных данных являются следующие моменты:

1. Превышение удельного веса основной и некоторых наиболее крупных национальностей по языку по сравнению с удельным весом по национальности: в Болгарии (относительно слабое) и Румынии (а также и в Чехословакии) за счет меньшинств (цыган, евреев и некоторых других) и, наоборот, превышение удельного веса основной национальности по признаку национальности по сравнению с удельным весом по языку в Венгрии в 1941 г. — венгров, а также евреев и цыган, за счет других национальностей — немцев, хорватов, словаков, словен и румын. Аналогичную картину наблюдаем и по Югославии.

Противоречия, выявляемые из рассмотрения этнического состава Болгарии, Румынии и Чехословакии, с одной стороны, и Венгрии и Югославии, с другой, — лишь кажущиеся: на самом деле данные об этническом составе по языку и национальности отражают одни и те же шовинистические тенденции; в первом случае (в Болгарии, Румынии и др.) они выявляются в показателях языка как потенциальном признаке последующей ассимиляции, а во втором (в Венгрии и др.) — в показателях национальности, как явно отражающих собой эти тенденции.

Так, анализируя данные венгерской переписи 1941 г., мы обнаруживаем здесь исключительное проявление этих тенденций — мадьяризация национальных меньшинств. Например, из общего числа 75,9 тыс. словаков, показавших своим родным языком словацкий, отнесено (по переписи) к словакам по национальности лишь 16,7 тыс., или 22%, а остальные — к венграм; из общего числа румын, соответственно, — 53,5%, хор-

ватов (кроатов) — лишь 12,1% и т. д. Что же касается присоединенных к Венгрии в 1938 и 1940 гг. южной части Чехословакии, части Закарпатской Украинской территории и значительной части Трансильвании (отошедшей обратно к своим государствам по мирному договору с Венгрией в 1947 г.), то и на этой территории к 1941 г. успели уже обнаружиться подобные тенденции, хотя и в несколько ослабленном виде соответствующие показатели составили для словаков 80,6%, для румын — 96,2%, а в отношении хорватов (кроатов) эта тенденция обнаружилась в той же степени — из числа 22,3 тыс. хорватов (кроатов показавших своим родным языком хорватский (кроатский), толы 2,7 тыс., или те же 12,1%, отнесены (по переписи) к хорватам (кроатам остальные же — 87,9% — оказались венграми.

Процесс мадьяризации национальных меньшинств в Венгрии развивался довольно интенсивно. Так, если в 1920 г. удельный вес венгров был равен 89,6%, то по переписи 1941 г. (на той же территории) составил уже 95,7%. Здесь, на этом венгерском примере, мы имеем дело с исключительным проявлением националистических тенденций: при нуждении, политического нажима на население национальных меньшинств (во время переписи), а возможно, и простой фальсификации и произвольного (тенденциозного) толкования данных переписи при определении национального состава.

2. Противоположные явления в соотношении той или иной национальности как основной (в своем государстве) по сравнению с каждой из них в других странах, где они являются нацменьшинствами. Так, превращению — по языку — численности болгар в Болгарии соответствует преуменьшение их в Румынии; преувеличению — по национальности — венгров в Венгрии соответствует преуменьшение их в Румынии, а также в Чехословакии; аналогичное явление (хотя и менее значительное) наблюдается в отношении сербов и хорватов в Югославии. Как видно, здесь, в отдельных государствах, имеют место разнообразные этнические явления, объясняемые различными историческими и политико-экономическими условиями развития в них национальностей.

Недостаточность материалов с параллельными данными о национальности и языке и отсутствие в этих данных достаточно четко выраженного порядка в соотношениях обоих признаков затрудняет возможность использования признака национальности в качестве определяющего этнический состав государств.

Таким образом, на основании имеющихся материалов переписи указанных государств мы можем отметить:

а) наблюдающееся влияние основной национальности и некоторых других экономически наиболее мощных национальностей в государствах на нацменьшинства, отражающееся главным образом в показателях языка, свойственное, по всему вероятно, в той или иной мере вообще всем странам зарубежной Европы;

б) недостаточную четкость или во всяком случае отсутствие ярко выраженной закономерности в приоритете признаков национальности или языка в определении этнического состава;

в) полную невозможность перевода данных по языку в показатели национальности.

Язык как этнический признак

Учитывая фактическое положение с определением этнического состава государств зарубежной Европы — наиболее распространенное применение языка как этнического признака, позволим себе прежде всего остановиться на самом понимании различных категорий языка и далее — отметить наблюдающиеся процессы в этническом составе, определяемые по этому признаку.

Язык в качестве этнического признака в переписях населения выступает, как мы уже отмечали, или как родной язык (в большинстве стран), или как материнский и отцовский, или как разговорный, как любимый язык и т. п. Уже этот перечень категорий указывает на различия в понимании признака. Так, признаки родного и в особенности материнского языка в основе своей таят элементы историзма — происхождения, в то время как разговорный язык, отражающий процесс новых влияний, начинающихся обычно с разговорной речи, является более современным.

Не вдаваясь в подробное определение сущности самих понятий, мы принуждены прежде всего отметить одно очень важное обстоятельство — абсолютную невозможность путем количественного сопоставления определить различия категорий языка — родного, материнского, разговорного и т. п. По данным переписей населения такое сопоставление немыслимо. Ни в одной переписи населения не имеется случая параллельной регистрации родного и материнского языка, или родного и разговорного, или материнского и разговорного языка. Признак разговорного языка имеет место лишь в переписях Финляндии, и его практическое значение в поставленной нами задаче скромно (население Финляндии в населении всей зарубежной Европы составляет менее одного процента). Остаются по существу два понимания языка как этнического признака — родной и материнский язык, учитываемые при переписях подавляющего большинства населения (около 86%) зарубежной Европы. Принципиальные же различия между этими двумя понятиями языка весьма незначительны: они тем более мизерны с практической точки зрения — определения этнического состава населения. В практике переписей населения эти различия почти неуловимы. В попытке конкретного определения этих различий окажется больше схоластики, чем действительной существенной пользы. Можно, таким образом, признать, что оба признака — и родной и материнский языки — являются достаточно идентичными и различия между ними в практическом отношении в разрешении поставленной задачи могут игнорироваться.

Теоретически основным и наиболее точно отражающим этнический состав признаком, определяемым по принципу национального самосознания, является национальность. Остальные признаки — родной, материнский, разговорный язык и тем более признак религиозной принадлежности — являются в этом отношении вспомогательными, дополнительными, хотя значение их не должно особенно преуменьшаться. К сожалению, как мы видели, подойти к определению численности отдельных национальностей по признаку национальности нет возможности, не говоря уже о том, что в основу самого признака в тех немногих государствах, в которых он был применен, положен принцип определения по происхождению, а не по самоопределению.

Родной язык и материнский язык — единственные и довольно распространенные в западноевропейских переписях признаки, по своей природе по существу идентичные, практически оказываются основными в определении этнического состава. Таким образом, вопрос о выборе признака разрешается сам собой. Причем он разрешается лишь в смысле возможной целесообразной (в данной обстановке наличия статистических и других материалов), а не в смысле должной научно обоснованной и теоретически правильной постановки вопроса.

О корректировании данных переписей

Останавливаясь на признаке родного и материнского языка (условно в дальнейшем будем именовать родной язык) как основном показателе при определении этнического состава, мы ни на минуту не должны забывать отмеченные выше его недостатки, проистекающие главным обра-

зом от разного рода политических соображений, отражающих собою националистические тенденции правящих кругов капиталистических стран. В связи с этим, а также имея в виду разрешение основной нашей задачи — определение методов корректирования данных переписей, мы позволим себе остановиться на конкретных примерах характеристик прироста отдельных национальностей по показателям родного языка. Примеры эти, помимо практических целей, еще раз подчеркивают шовинистическую политику западноевропейских государств.

Приводим имеющиеся данные по Австрии, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Чехословакии и Польше.

Австрия			
Период	Общий прирост в %	Прирост австрийцев в %	Прирост остального населения в %
1880—1910 гг. (за 30 л.) (в старых границах)	+ 17,6	+ 14,5	+ 19,4
1910—1934 гг. (за 24 г.) (в границах 1934 г.)	+ 7,5	+ 9,7	- 38,9

Болгария			
Период	Общий прирост в %	Прирост болгар в %	Прирост остального населения в %
888—1905 гг. (за 17 л.)	+ 28,0	+ 38,0	- 0,4
905—1920 гг. (за 15 л.)	+ 20,1	+ 25,7	- 1,5
920—1934 гг. (за 14 л.)	+ 25,4	+ 30,8	- 10,1

Венгрия			
Период	Общий прирост в %	Прирост венгров в %	Прирост остального населения в %
1890—1910 гг. (20 лет) (в старых границах)	+ 9,2	+ 15,8	+ 3,8
1920—1930 гг. (10 лет) (в довоенных границах)	+ 8,6	+ 11,9	- 17,1
1930—1941 гг. (11 лет) (в довоенных границах)	+ 7,3	+ 11,1	- 42,0

Финляндия			
Период	Общий прирост населения в %	Прирост финнов и карел в %	Прирост остального населения в %
1880—1910 гг. (30 лет)	+ 51,2	+ 46,7	+ 78,6
1910—1920 гг. (10 лет)	+ 8,0	+ 7,1	+ 12,2
1920—1930 гг. (10 лет)	+ 9,0	+ 9,7	+ 5,6

В Чехословакии — при общем приросте населения с 1921 по 1930 г. в 8,2% прирост чехословаков составил + 11,0%, а остального населения + 5,2%, и в Польше — при общем приросте за период с 1921 по 1931 г. в 24,2% прирост поляков составил 23,6%, а остального населения + 25,5%, в том числе еврейское население увеличилось на 33,4%.

Как видно из приведенных выше данных, показатели прироста основной национальности в каждой стране оказываются значительно выше показателей прироста по всему населению и тем более прироста населения нацменьшинств.

В условиях развития капиталистических стран почти повсюду национальные меньшинства находятся, несомненно, в худших правовых, социальных и экономических условиях развития, что, несомненно, отражается и на их естественном приросте, причем с развитием капитализма

разрыв в приросте этих групп населения все более увеличивается. Исключением является Польша, где прирост поляков оказывается ниже прироста остального населения, что объясняется наличием довольно компактных групп остального населения — украинцев, белоруссов, евреев и немцев, влияние на которых со стороны польской буржуазии, в особенности в первые годы после организации государства (1919), не могло еще сказаться, несмотря на ярко выраженную политику ущемления национальных меньшинств (в особенности украинцев и белоруссов). Аналогичные явления имеют место в бывшей Австрии (в границах до первой империалистической войны). Основная национальность ее — австрийцы, составлявшая всего 35—36% всего населения, не могла проявить свое влияние на прирост входивших в состав Австрии довольно компактных групп — чехов, поляков, украинцев и других.

Мы не имеем возможности привести соответствующие данные по ряду других государств, хотя националистические тенденции в показателях этнического состава большинства из них, несомненно, имеют место. Последний вывод отчасти можно сделать и из анализа постановки самих вопросов о национальности или родном языке при переписях. (См. приведенные выше примеры смещения понятий гражданства или подданства с национальностью в Германии или — натурализованности с национальностью во Франции и т. п.).

Все же, как ни тяжелы иногда эти условия, допустить при наличии положительного прироста всего населения отрицательный прирост (и притом часто значительную убыль) населения нацменьшинств едва ли возможно. В выявляемых переписью в таких случаях показателях отрицательного прироста нацменьшинств, кроме несомненно пониженного (по сравнению с основной национальностью) естественного прироста, имеют место и явления миграции, особенно заметной после первой империалистической войны, и явления естественного ассимиляционного процесса и, что особенно важно, явления насильственной искусственной денационализации, выражающейся лишь в официальных показателях переписей, а не происходящих в действительности.

Подобные моменты искажения действительного положения с этническим составом и должны исправляться.

Учитывая отсутствие возможности точного установления размеров искажений и в связи с этим коэффициентов поправок, мы все же в интересах поставленной задачи — определения этнического состава — должны попытаться наметить основные принципы определения этих поправок, применение которых позволило хотя бы приближенно подойти к установлению действительного этнического состава отдельных государств, всей зарубежной Европы в целом, а также определению численности каждой национальности с распределением по странам. Принципы эти, по нашему мнению, заключаются в следующем.

1. Столь разительные расхождения в приросте основной и остальных национальностей, по данным переписей отдельных стран (и особенно многонациональных), заставляют полагать в этих данных, кроме факторов действительного влияния на прирост, наличия искусственного влияния — искажений в этническом составе, причем размеры этих искажений увеличиваются с развитием капитализма и усилением споров из-за пограничных территорий (конкретно, по данным наиболее поздних переписей), например в Венгрии, Польше, Германии и в других государствах. Искаженные, таким образом, данные переписей требуют соответствующих поправок.

2. При определении поправок необходимо учитывать данные миграционной статистики — о переселении населения национальных меньшинств в другие страны (если, понятно, такие данные имеются), а также явления ассимиляции, вполне естественной при длительном сожительстве национальностей и возможном различии их социально-экономиче-

ских условий развития. В случаях отсутствия подобных статистических данных (с чем, как правило, будем встречаться в особенности в вопросе об ассимиляции) должны быть приняты во внимание и разного рода исследовательские литературные материалы, освещающие вопрос или даже отмечающие лишь тенденцию развития явления. При определении поправок мы должны оградить себя от возможности преувеличения размеров подобных искажений.

3. В основу определения поправок можно принять следующее положение: действительный естественный, а также и общий прирост населения национальных меньшинств — при положительном и относительно значительном общем приросте всего населения в стране — лишь немногим (в соответствии с указанными условиями) ниже этого общего прироста, а прирост основной национальности, по данным переписей, по сравнению с действительным является завышенным. Случаи убыли (и иногда весьма значительной) населения нацменьшинств при определении размеров поправок должны привлекать наше внимание, в особенности, когда данные миграционной статистики не подкрепляют этой убыли.

Это положение ставит нас в определенные рамки, ограничивающие определение размеров поправок.

4. Вторым моментом, дающим возможность приближенного установления прироста остальных национальностей — каждой в отдельности, являются показатели прироста таких национальностей в странах, где они являются основными.

Скидка на неравенство социально-экономических условий развития любой национальности в своей стране и каждой национальности — как нацменьшинства в других странах — может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Первоначально установление размеров такой скидки будет носить субъективный (и, понятно, весьма ориентировочный) характер, и лишь в дальнейшем — при сведении баланса общей численности населения той или иной страны — будут вноситься соответствующие поправки. При таком подходе к корректированию итогов переписей исправленные данные будут наиболее приближены к действительной этнической характеристике населения каждой страны, т. е. характеристики, которая определилась бы при применении в переписях принципа самоопределения национальности.

Необходимо отметить возможность применения и других источников корректирования данных переписей, в особенности в случаях значительных искажений действительного этнического состава. Мы имеем в виду данные иностранной статистики (специальных обследований) о численности детей, желающих обучаться на том или ином языке, или данные плебисцитов — специальных опросов населения о желании остаться гражданами своего бывшего государства или перейти (со своей территорией) в гражданство другого соседнего государства; иногда и данные вероисповеданий, в особенности в случаях идентичности сущности этнических и религиозных признаков, могут быть также использованы для целей корректирования. В странах, где миграционные процессы играют большую роль, изменения в возрастной структуре основной национальности или нацменьшинства (по переписи) дают достаточно оснований для определения процесса насильственной ассимиляции или вообще искажений в этническом составе¹. Анализ материалов такого рода источников может оказаться полезным для целей корректирования данных переписей об этническом составе населения.

¹ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Об этнической статистике европейских стран, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947, стр. 67—68.

Само собой понятно, что в отдельных (трудных, но наиболее редких) случаях в практической работе придется прибегать и к менее совершенным способам определения этнического состава — вплоть до способа экспертной оценки.

При окончательном установлении (после внесения соответствующих поправок) численности той или иной национальности в целом по зарубежной Европе новые, исправленные данные могут немногим отличаться от простой сводки непосредственных данных переписи, т. е. без какого-либо корректирования их. Такое положение вполне возможно допустить, имея в виду наличие двух противоположных тенденций в искажении данных переписей — к преувеличению численности национальности как основной и к преуменьшению этой численности, когда национальность является национальным меньшинством.

Смысл вводимых поправок, помимо общего уточнения численности каждой национальности в целом, заключается главным образом в конкретном установлении действительной численности каждой национальности в каждом из государств зарубежной Европы и в особенности в тех государствах, где они являются нацменьшинствами.

* * *

Необходимо рассмотреть еще вопрос о дате, на которую должен быть определен этнический состав населения, и определить границы государств, по которым предполагается установление этого состава.

Вопрос о единой дате представляет некоторые затруднения.

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет об исчислении населения по состоянию на довоенный период. Определение как общей численности населения, так и тем более численности отдельных национальностей на послевоенный период, в связи с массовыми переселениями различных народов и различной убылью населения во время войны — дело исключительно сложное и трудное, и нами этот вопрос не ставится. Более или менее заслуживающие доверия данные могут быть получены лишь в результате соответствующих послевоенных переписей.

Последние переписи перед второй мировой войной осуществлены были в следующие годы: по 20 странам (удельный вес населения которых около 30%) — в 1930 г. и ранее (в 1928 г. в Греции и в 1926 г. в Ирландии); переписи же в остальных наиболее крупных государствах (70% всего населения) произведены в период между 1931 и 1935 гг., в частности, в Великобритании, Польше и Франции в 1931 г., в Германии в 1933 г., в Австрии и Болгарии в 1934 г. и в Турции (европейская часть) в 1935 г. По Венгрии, кроме переписи 1930 г., имеются еще данные переписи 1941 г.

Исходя из наличия материалов переписей, наиболее подходящей единой датой можно принять 1 января 1935 г. Исчисление населения отдельных национальностей большинства государств на эту дату не представит особых затруднений, так как период с 1930 по 1935 г. не отличается сколько-нибудь заметными массовыми миграционными процессами, а исчисленные данные всего населения отдельных государств на 1 января 1935 г. были опубликованы ЦСУ СССР в 1937 г.²

Самый этнический состав на 1 января 1935 г. должен, по нашему мнению, определяться исходя из предположений неизменности темпов

² См. «Капиталистические страны. Статистический сборник», изд. ЦСУ СССР, т. 2, 1937.

роста каждой национальности в пределах отдельных государств, т. е. коэффициенты прироста, установленные для каждой национальности в результате внесения коррективов к данным переписей, соответственно распространяются и на последующие годы до 1935 г.

Значительно сложнее обстоит вопрос с определением методологических приемов к исчислению этнического состава на более позднюю предвоенную дату, например, на 1 января 1939 г.— дату кануна второй мировой войны. Вероятность постановки такого вопроса несомненна, так как в практическом отношении дата 1 января 1939 г. является наиболее существенной, представляющей исключительный интерес.

Необходимо отметить, что никаких опорных данных о происходивших процессах в этническом составе населения за эти четыре года не имеется. В связи с этим мы видим единственный выход из положения — путем распространения исчисленных коэффициентов прироста отдельных национальностей и на последующие годы до 1 января 1939 г., допуская корректирование последних данными об изменении общего прироста населения на основании статистики движения населения.

Исчисление этнического состава государств зарубежной Европы производится в границах 1939 г. В состав ее не входит население Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Литвы, Латвии и Эстонии.

* * *

Нам остается еще рассмотреть один частный вопрос, хотя и тесно связанный с разрешением поставленной задачи. Мы имеем в виду метод исчисления еврейского населения в странах зарубежной Европы.

Дело в том, что принятый нами за основу определения этнического состава населения признак родного языка не является сколько-нибудь удовлетворяющим при определении численности еврейского населения. Во многих государствах, в которых этнический состав определяется по родному языку, еврейское население как национальность почти не учитывается, так как подавляющая масса евреев показывает своим родным язык основной национальности.

Приведем несколько примеров, характеризующих это положение. Так, в Австрии, по данным переписи 1934 г., лиц с еврейским родным языком нет, если не считать возможного нахождения их в группе с «прочим языком» (23,3 тыс. чел.), а лиц с иудейским вероисповеданием — 191,5 тыс. чел. Таким образом, весьма значительная часть евреев показала своим родным языком немецкий; в Венгрии, по переписи 1920 и 1930 гг., лиц с родным еврейским языком также нет (с «прочим» родным языком — 39,0 и 32,3 тыс. чел.), а лиц иудейского вероисповедания — 483,4 и 444,6 тыс. чел. По переписи же 1941 г., лиц с материнским еврейским языком — 1,6 тыс., лиц еврейской национальности — 9,8 тыс., а лиц иудейского вероисповедания — 401,0 тыс. Очевидно, основная масса евреев показала своим родным языком венгерский; в Польше, по переписям 1921 и 1931 гг., численность еврейской национальности (определяемой по языку) составляла 2048,9 и 2732,9 тыс., а лиц с иудейским вероисповеданием соответственно 2771,9 и 3113,9 тыс.; в Румынии, по переписи 1930 г., к еврейской национальности отнесено 728,1 тыс., показавших еврейский язык — 518,8 тыс., а лиц с иудейским вероисповеданием — 756,9 тыс.; в Чехословакии, по переписям 1921 и 1930 гг., лиц с родным еврейским языком — 190,9 и 186,6 тыс., а с иудейским вероисповеданием соответственно 354,3 и 356,8 тыс. Около половины евреев показали своим родным языком чешский и словацкий.

Если в отношении многих национальных меньшинств признак потери своего родного языка и восприятия языка основной национальности

часто оказывается решающим в определении национальности, а религиозная принадлежность оказывается лишь косвенным признаком, то этого нельзя сказать в отношении еврейского населения (везде в западноевропейских странах являющегося нацменьшинством). Данные переписей населения о религиозной принадлежности евреев в капиталистических странах оказываются более существенными для определения численности еврейской национальности, чем данные о родном языке. Это обстоятельство в значительной степени осложняет вопрос с определением численности еврейского населения.

Попытка определения численности еврейского населения по отдельным странам на 1930 г. была произведена в Германии и опубликована в виде таблицы в 1930 г.³ Приведем итоги исчислений по перечисленным выше странам: в Австрии — 225,0 тыс., в Венгрии — 485,0 тыс., в Польше — 3000,0 тыс., в Румынии — 1130,0 тыс. и в Чехословакии — 375,0 тыс. человек.

Анализ приведенных выше данных переписей и сопоставление их с данными исчислений на 1930 г. дает основание констатировать, что 1) показатели численности еврейского населения по переписям по религиозной принадлежности являются наиболее высокими по сравнению с показателями по признаку национальности и тем более по языку, и что 2) исчисленные данные на 1930 г. оказываются, как правило, значительно завышенными даже в сравнении с наиболее высокими показателями по религиозной принадлежности.

Аналогичные выводы можно сделать и по ряду других стран: Греции, Дании, Италии, Нидерландам, Югославии и др.

Подходя к практическому разрешению вопроса об источниках, которые должны быть положены в основу определения численности еврейского населения, мы должны признать, что ни данные о родном языке, ни данные о национальности, как правило, не могут быть приняты для этой цели. Данные о родном языке совершенно не характерны для еврейского населения. Например, для таких стран, как Австрия, Венгрия, Чехословакия и отчасти Румыния, принятие этих данных до крайности извратило бы, как мы уже имели возможность убедиться, действительное положение. Данные о национальности могут быть использованы лишь в редких случаях, так как этот признак, как правило, игнорируется при переписях в странах зарубежной Европы. Так, эти данные могут быть приняты только для Болгарии, Румынии и, возможно, еще для некоторых стран.

Наиболее распространенными при переписях и имеющими особенное значение для более или менее точного определения численности еврейского населения объективно являются данные о религиозной принадлежности. Эти данные, по нашему мнению, и должны быть положены в основу определения численности еврейского населения. В некоторых случаях, например, отсутствия соответствующих данных переписи, считаем возможным использование для этих же целей сведений о численности евреев — членов еврейских религиозных обществ, хотя, вообще, этот источник сведений и не является достаточно совершенным.

Изложенные нами соображения о методах корректирования данных переписей при определении этнического состава западноевропейских государств являются отправными, применение которых, как нам представляется, при современных условиях наличия материалов переписей даст возможность наиболее правильно подойти к разрешению поставленной задачи.

³ Jüdisches Lexikon, IV, Berlin, 1930; см. БСЭ, т. 24, стр. 119—120.